

Ревин Иван Алексеевич

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПРИАЗОВЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается эволюция крестьянского хозяйства Приазовья от крестьянской реформы 1861 г. до революционных событий 1917 г. Выгодное географическое положение, относительно слабое развитие крепостнических отношений, быстрая выкупная операция способствовали развитию товарного земледелия. Специфика казачьего землевладения в Области войска Донского сдерживала процесс концентрации земельных ресурсов в руках крупных латифундистов, поэтому основным сельскохозяйственным производителем в Приазовье были крестьянские общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/50.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II. С. 185-189. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

7. **Политика и культура в российской провинции** / ред. С. Рыженков, Г. Люхтерхандт-Михалева (при участии А. Кузьмина). СПб. - М.: ИГПИ; Летний сад, 2001. 268 с.
8. **Раков В. М.** Особенности российского традиционализма // Консерватизм: история и современность: материалы международной научной конференции. Пермь, 1995.
9. **Соловьев Э. Г.** Традиционализм // Политическая энциклопедия. М., 1999. Т. 2.
10. **Социологический энциклопедический словарь** / на русском, английском, немецком, французском и чешском языках; ред.-координатор академик РАН Г. В. Осипов. М.: ИНФРА-М; НОРМА, 1998.
11. **Сугрей Л. В.** Традиционализм как социальная философия этноса. Пятигорск, 1999.
12. **Шацкий Е.** Утопия и традиция. М., 1990. 449 с.
13. **Яркова Е. Н.** Утилитаризм как тип культуры: концептуальные параметры и специфика России. Новосибирск, 2001. 392 с.
14. **Eisenstadt S. N.** Tradition, Change and Modernity. N. Y., 1973.
15. **Shils E.** Tradition. Chicago, 1981.
16. **Tuker R.** Political Culture and Leadership in Soviet Russia. N. Y., 1987.

TRADITIONALISM AS VALUE-SEMANTIC ELEMENT OF REGIONAL CULTURE

Diana Al'bertovna Pogosbekova

*Department of History and Social-Classical Science
Ishim State Pedagogical Institute named after P. P. Ershov
d-pogosbekova@mail.ru*

The author undertakes the attempt to interpret traditionalism as one of the regional culture value-semantic elements and emphasizes that within the period of the Russian society active modernization reforms traditionalization is the only real way to preserve basic, fundamental, spiritual, traditional and, therefore experienced by generations, human values.

Key words and phrases: regional culture; tradition; traditionalism; traditional value system; conservatism; modernization; modernization reforms; innovations.

УДК 330.111–058.224(470.61)

В статье рассматривается эволюция крестьянского хозяйства Приазовья от крестьянской реформы 1861 г. до революционных событий 1917 г. Выгодное географическое положение, относительно слабое развитие крепостнических отношений, быстрая выкупная операция способствовали развитию товарного земледелия. Специфика казачьего землевладения в Области войска Донского сдерживала процесс концентрации земельных ресурсов в руках крупных латифундистов, поэтому основным сельскохозяйственным производителем в Приазовье были крестьянские общества.

Ключевые слова и фразы: крестьянство; сельское хозяйство; аграрный вопрос; товарное земледелие; Область войска Донского.

Иван Алексеевич Ревин, к.и.н., доцент

*Кафедра педагогики и образовательных технологий
Южно-Российский государственный технический университет
(Новочеркасский политехнический институт)
ivarev@mail.ru*

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПРИАЗОВЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА[©]

Массовая крестьянская колонизация Приазовья началась в последней четверти XVIII в., когда перестала существовать опасность набегов крымских татар и турок. В административном отношении северо-восточное Приазовье до 1887 г. было поделено между Екатеринославской губернией и Землей (позже – Областью) войска Донского. В Таганрогском градоначальстве и Ростовском уезде численность помещичьих крестьян колебалась от 5 тыс. до 10,5 тыс. душ мужского пола (далее – м.п.) [1, с. 41], в Миусском округе накануне реформы 1861 г. было 62533 души крепостных м.п. [5, с. 216]. Главное отличие крестьянства Приазовья от крестьянского населения Войска Донского заключалось в том, что его составляли наряду с помещичьими крестьянами и государственные.

В марте 1861 г. в Приазовье объявили об отмене крепостного права. Крестьяне Миусского округа получали в надел по 3,5 дес. земли [Там же, с. 298-299]. На период временно обязательного состояния за полный душевой надел крестьянский оброк составлял 8 руб., а барщина – 63 дня в год (36 мужских и 27 женских дней). Переход с барщины на оброк мог происходить по истечении двух лет, как в остальной России. В течение девяти лет крестьянин не мог отказаться от надела и выйти из временнообязанного состояния. Первоначально переход крестьян на выкуп происходил быстрыми темпами, и только 7% донских крестьян воспользовались «даровым» наделом». Причем в Приазовье этот процесс шел более быстрыми темпами. Уже

в 1868 г. крестьяне Матвеево-Курганской, Голодаевской и Анастасиевской волостей первыми выкупили свои наделы. К 1878 г. в округе у 61 помещика насчитывалось только 3 510 временнообязанных крестьян, а 52 568 были собственниками. Собственниками, прежде всего, становились крестьяне волостей, расположенных у Таганрога, так как они имели большую возможность развивать товарное хозяйство.

Земельные наделы, полученные крестьянами, с ростом населения значительно уменьшались, дойдя до 1,3 дес. на душу. По данным И. П. Хлыстова, в результате реформы донские крестьяне потеряли около 31% земель [14, с. 36]. В слободах Миусского округа, где помещичье землевладение было наиболее развито, крестьянские наделы сократились в полтора-два раза, а в некоторых местах - в 6-7 раз. Так, 33 крестьянина Весело-Вознесенской волости в 1896 г. решили переселиться в Акмолинскую область из-за того, что их экономическое положение было совсем плачевным. Сельскому обществу на 767 ревизских душ было отведено дарственной надельной земли 767 дес. На 15 домохозяев (39 мужских душ) приходилось: 13 дес. земли, 20 лошадей, причем у 6 домохозяев земли надельной вовсе не было, а в трех дворах не было рабочего скота и лошадей, на всех домохозяев имелся только один железный плуг, и тот без волов. Из-за высоких арендных цен (10-15 руб. за десятину) земледелие становилось маловыгодным, что заставило крестьян переселяться [8].

Стесненные на своих наделах крестьяне могли расширять собственное хозяйство в основном за счет аренды земельных участков бывших помещиков, так как высокие покупные цены на землю для подавляющего большинства крестьянских хозяйств были явно не по карману. Для сравнения, в 1868 г. в Миусском округе цена десятины земли равнялась 43 руб., тогда как в соседнем Черкасском округе – 11 руб. 20 коп., Донецком – 11 руб. [11, с. 39]. В большинстве случаев землю арендовали крестьянские товарищества из 5-20 членов, реже – сельское общество, а частные арендаторы встречались редко. Арендные отношения в пореформенный период развивались быстрыми темпами еще и потому, что многие помещики отказывались от ведения собственного хозяйства, предпочитая сдавать землю в аренду. В Миусском округе до 1868 г. помещиков, ведущих хозяйство из своей экономии¹, было 85%, а сдававших землю в арендное содержание - 15%. Владельцев срочных участков, ведущих хозяйство из своей экономии, было около 5%, а сдававших в аренду - 95%. К началу 1873 г. число предпринимателей 1-й категории уменьшилось до 70%, а 2-й - до 3% [9, с. 1].

Основных способов получения ренты в Миусском округе в пореформенный период было три: 1) отдача земли за деньги подесятинно, причем рабочее поле, сенокос и толочные места сдавались отдельно; 2) отдача земли за деньги целыми участками на несколько лет; 3) отдача собственно пашни (рабочего поля) за часть урожая, т.е. каждую третью или четвертую копну. Каждый из этих способов имел свои плюсы и минусы. Наиболее добросовестными и аккуратными арендаторами выступали крестьянские общества, но многие из них в период неурожая оказались несостоятельными. Об этом свидетельствуют данные расчетных листов земских податей. Так, 61 крестьянин поселка Грузско-Сербинова владения поручика Н. М. Сербинова за период 1861-1869 гг. задолжали по налогам 330 руб. 92,5 коп., причем из-за нехватки средств налоги не платили и следующие пять лет [10, д. 2581, л. 29-33].

Товарному зерноводству в Приазовье способствовало строительство железных дорог Таганрог-Ростов и Курск-Харьков-Таганрог. В результате, по вывозу зерновых культур Таганрогский порт становится крупнейшим в России, уступая только Одессе. Значительную долю экспортного хлеба в Таганрог поставляли из близлежащих районов. Так, за 1909-1913 гг. через станцию Матвеев Курган было отправлено 8,046 тыс. пудов хлеба, Успенскую – 3,853, Кутейниково – 2,017, Неклиновку – 2,3 тыс. пудов. При этом большая часть доходов от продажи сельскохозяйственной продукции концентрировалась в руках «контор». Крестьяне и владельцы экономий жаловались на то, что конторы сбивали цены на зерно, пользуясь тем, что помещики и мужики брали у них деньги в долг до 1-15 сентября. Однако как только хлеб нового урожая появлялся в Мариуполе, Таганроге, на Обрыве и Кривой Косе, цена на него резко падала до 7 р. 50 коп. на гарновку и 7 руб. на гирку. А после 1 октября хлеба было навезено столько, что «конторы решительно отказывались принимать, мужики со слезами на глазах упрашивали взять привезенный хлеб по чем бы то ни было... Таким образом купцам заграничным достается львиная часть, а нам - труженникам - крохи, самые микроскопические» [15, с. 2].

Благоприятные природно-климатические условия Приазовья, выгодное географическое положение для товарного зерноводства, а также высокая плотность сельского населения способствовали сокращению относительной доли скотоводства в общем объеме сельскохозяйственного производства региона. Товарный характер сохранило только овцеводство, и то, в основном, в крупных экономиях. Так, в экономиях Черкасского и Миусского округов ОВД количество тонкорунных овец составляло от 1 тыс. до 40 тыс., а простых овец - от 500 до 2500 голов [6, с. 2].

Несмотря на трудности в сельском хозяйстве региона, число крестьян-собственников в Приазовье постоянно росло, особенно после начала деятельности Крестьянского поземельного банка (1885 г.). Повсеместно на смену помещичьим имениям пришли многочисленные экономии, а в редких случаях - и крестьянские хозяйства фермерского типа. Зажиточные крестьяне стали скупать земли у тех крестьян, которые из-за малой трудоспособности или отсутствия рабочего скота и инвентаря не могли обрабатывать свой надел. Одни богатели и выделялись на хутора (на свою землю), другие нищали и попадали к ним в зависимость. Оставшиеся у крестьян наделы стали мельчать, да к тому же неизбежно росло число отошедших от родителей молодых семей, что также способствовало разделам наделов и их сокращению. В Миусском округе с 1859 по 1873 год число поселений за счёт образовавшихся хуторов выросло вдвое. В 1886 г. правительство вынуждено было прибегнуть к

¹ Экономия - крупное помещичье хозяйство на юге России, в котором использовались наемный труд и сельскохозяйственные машины.

такому непопулярному решению как запрещение передела наделной земли. Но процесс деления крестьянских семей продолжался, и правительство 8 июня 1893 г. в своём постановлении вновь вернулось к вопросу о переделах. Теперь уже не запрещалось делить наделы, но были оговорены условия - срок утверждения передела растягивался до 12 лет, причём требовалось согласие схода, земского начальника и уездного съезда. Однако уже 14 декабря того же года правительство разрешило досрочный выкуп наделной земли, хотя и с согласия сельской общины, указав, что выкупленную землю можно продавать только в крестьянские руки.

Земля все чаще становилась объектом купли-продажи, так как община в Приазовье не обладала такой властью, как в центральных губерниях России. О том, насколько частные интересы стали преобладать над общинными, ярко свидетельствует спор между сельским обществом поселка Александровско-Пудавова и их односельчанами-арендаторами. В 1909 г. крестьяне жаловались на своих односельцев Авксентия, Венедикта и Абрама Демяненковых и Трофима Настенко, что те заарендовали землю у помещика, которая окружала общественный надел поселка, так что «некуда и скотину выгнать со двора». В 1907 г. в предписании Весело-Вознесенскому старшине рекомендовалось предложить Демяненковым и Настенко добровольно уступить обществу несколько десятин земли. Они согласились сделать это по окончании срока контракта - 1 сентября 1910 г. Затем они тайком от общества поехали к владелице земли В. Пудавовой в Новочеркасск и заарендовали участок еще на 4 года. Узнав об этой ситуации, сама помещица упрашивала арендаторов уступить часть земли обществу. Волостной старшина дважды выезжал к крестьянам-арендаторам и уговаривал их уступить обществу часть земли, но безрезультатно [2, д. 74, л. 1-8].

На рубеже XIX-XX вв. в России начался аграрный кризис. Его истоки кроются в реформе 1861 г., вследствие которой резко сократились земельные наделы крестьянских хозяйств. Трудности с землеобеспечением на фоне слаборазвитой агрокультуры, неблагоприятных природно-климатических условий (засухи и несвоевременные дожди и пр.) привели к снижению урожайности [12, д. 654, л. 198-199]. Упадок крестьянского хозяйства, вызванный малоземельем и обременительностью платежей, вынуждены были признать даже органы местной администрации [8]. Типичным примером состояния крестьянского хозяйства может служить Ореховское сельское общество Таганрогского округа, которое состояло из бывших помещичьих крестьян, вышедших на выкуп 4 мая 1864 г. в числе 155 ревизских душ и получивших в надел 542,5 дес. пахотной земли. Осмотр крестьянского надела в 1905 г. подтвердил тот факт, что земля ореховцев в большей своей части не пригодна ни для земледелия, ни для иных каких-либо хозяйственных целей. Для покрытия недостатка наделной земли крестьянами арендовалось 600 дес. частновладельческой земли, из них 300 - на скотщину всем обществом и 300 - за деньги 40 отдельными домохозяевами [Там же].

Большое значение в сельском хозяйстве Дона и Приазовья имело иногороднее население. Иногородними во второй половине XIX в. называли людей неказачьего происхождения (*преимущественно – крестьян – авт.*), которые пришли на Дон после отмены крепостного права, а, следовательно, не имели прав на земельный надел. Количество «иногородних» крестьян росло огромными темпами. Так, за период с 1861 г. по 1880 г. количество казачьего населения возросло на 32%, местного крестьянского (коренного) - на 30%, тогда как численность иногороднего населения увеличилась в 16 с лишним раз. Начиная с 1893 г., приток иногороднего населения, все с большим и большим трудом находившего себе здесь средства к существованию, начинает падать и до начала XX века можно наблюдать даже уход на Кубань, Терек, в Сибирь некоторой части ранее прибывших сюда крестьян разных губерний. В целом, положение большинства иногородних было незавидным, некоторые из них были настолько бедны, что не имели средств оплатить посаженной платы. Например, в декабре 1911 г. помощник Аксайского станичного атамана, урядник Абросимов, не дождавись пригона жителями хутора Кутейникова скота, предназначенного для продажи на пополнение посаженной недоимки, решил отправиться во дворы недоимщиков и отобрать их скот [Там же].

Вариантом выхода страны из аграрного кризиса была реформа П. А. Столыпина. Концепция аграрной реформы предлагала путь развития смешанной, многоукладной экономики, где государственные, коллективные и частные формы хозяйства должны были на равных конкурировать друг с другом. Главным направлением преобразований было формирование индивидуального крестьянского хозяйства. С 1907 по 1912 гг. в Таганрогском округе отрубы получили 1079 хозяйств, в Ростовском – 915, для сравнения, в Черкасском (со смешанным казачье-крестьянским населением) - только 216 [4, с. 14].

Средний надел земли хуторского и отрубного хозяйства составлял 9,24 дес. За это время «укрепило землю» около 20% крестьянских хозяйств. Значительную помощь выделявшимся хозяевам оказывал Крестьянский поземельный банк. Этот банк был учрежден еще в 1882 г. для выдачи крестьянам долгосрочных ссуд под залог купленных у частных владельцев земель. В 1907-1916 гг. 86,8% всей земли, проданной Донским отделением банка, приходилось на долю хуторян и отрубников [8].

Противоречивой (а где-то и негативной) чертой аграрной реформы следует признать быстрое имущественное расслоение крестьянства, так как наряду с зажиточными крестьянами из общины выделялись и бедняки, которые вскоре лишились участков земли, закрепленных в их личную собственность и разорялись. Только за семь лет (1907-1913 гг.) продали свои участки наделной земли 6759 домохозяев (около 40% таких крестьян) [Там же]. К примеру, землеустройство крестьян Кагальника на основании законов 9 ноября 1906 г. и 14 июня 1910 г. дало печальные результаты. Со дня разрешения крестьянам укреплять свои наделы в личную собственность (*к 1911 г. – Р. И.*) из 1 844 дворов успели выйти на отруба 632 домохозяина с общим количеством в 3 500 дес. наделной земли. Крестьяне, получившие отрубы, вместо того чтобы воспользоваться разрешаемым им кредитом под залог наделов для технического подъема производительности земли и улучшения своего хозяйства, просто распродавали их иногда по крайне низким ценам. Это объясняли

боязнь крестьян всякого рода ходатайств и хлопот, неизменно связанных с заключением займа, а часто даже и прямым незнанием того, что они имеют право заключать займы. Этим обстоятельством прекрасно пользовались более расторопные и сметливые «кулаки-мироеды» или стоящие ближе к торговому делу лица. Они скупали у подгоняемых нуждою темных крестьян их наделы по ничтожным ценам, превращаясь в маленьких помещиков села. О том, насколько успешно шла распродажа крестьянами села своей земли, свидетельствует тот факт, что из 131 домохозяина, первыми вышедших из общины на отруба, 85 почти сразу лишились своих наделов. Они продали их по баснословно низким ценам - по 150 руб. за надел свыше 3 дес. земли. Крестьяне, продавшие свои наделы, вырученные деньги прожили... и теперь влечат нищенское существование... В итоге столыпинской реформы на Дону не только не прекратилась, но еще более обострилась борьба против помещиков в сочетании с борьбой между бедной и кулачеством. В 1915 г. в поселке Больше-Каменском Таганрогского округа имел место массовый погром кулацких хозяйств [Там же].

Традиционные экономические устои и земледельческие приемы в условиях малоземелья оказались неэффективными; необходимо было переходить к интенсивному освоению новых сортов зерновых культур, орудий труда и технологий, базирующихся на достижениях науки и опыте передовых хозяйств. Главной причиной отсталости крестьянского хозяйства в деле поднятия сельскохозяйственной культуры местные умы считали их низкую обеспеченность рабочим скотом. Для обработки «несовершенным способом» 10-20 дес. земледельцу необходимо было иметь не менее одной лошади и двух пар волов с плугом и другими принадлежностями. Так, в Таганрогском и Ростовском округах, населенных преимущественно крестьянами, на одну мужскую душу приходилось менее 0,5 лошади, а рабочих волов только 0,10 или 0,12. Имея рабочих животных, крестьянин еще мог стать самостоятельным хозяином, например, при помощи крестьянского поземельного банка, но в случае потери животных от падежа или воровства он надолго оставался батраком. Такие условия заставляли казака бросать свой земельный пай и идти искать себе заработок на стороне: наниматься в полицейские урядники и стражники, городские, в сторожа разных учреждений и проч., а крестьянина – батрачить [11, с. 71-73].

Политика насильственного разрушения общины и насаждения хуторских и отрубных хозяйств наталкивалась на растущее сопротивление крестьян. В ряде мест они не допускали землемеров к проведению работ, выступая против несправедливого выделения отрубков, которое лишило сельские общества лугов, водоемов, свободной проезды. Это вело к агрессии против отрубщиков и хуторян, в которых крестьяне видели источник своих бед.

По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. в Области войска Донского около четверти всех хозяйств не имели посевов, около трети не имели сельскохозяйственного инвентаря; шестая часть не имела скота [13, с. 281-284]. Более того, 21% крестьянских хозяйств принадлежало более 75% всей наделной и купчей земли крестьян, тогда как на долю 79% хозяйств приходилось менее 25% всей земельной площади, принадлежавшей крестьянскому населению области [7, с. 264].

Таким образом, хозяйственная самостоятельность отдельных крестьян и слабость сельской общины способствовали резкой экономической дифференциации населения Области войска Донского. Поэтому в ходе революции 1917 года и гражданской войны коренные и иногородние крестьяне в большинстве своем поддерживали идею национализации земли (*и, прежде всего, дворянских землевладений – И. Р.*), выдвинутую большевиками, а Приазовье стало главным оплотом советской власти в регионе. Многие исследователи подчеркивали тот факт, что ожесточенный характер гражданской войны на Дону (как и в других казачьих областях) во многом связан с нерешенностью пресловутого аграрного вопроса.

Победа большевиков в гражданской войне привела не только к трансформации общественно-политического строя, но и внесла серьезные изменения в сельское хозяйство страны. Большие людские потери (в том числе и массовая эмиграция), сокращение поголовья рабочего скота, износ сельскохозяйственных машин, исчезновение запасов хлеба привели к запустению значительной части пахотных земель. Власть пыталась решить эти проблемы при помощи коллективизации, создавая и поддерживая многочисленные коммуны и сельскохозяйственные артели. Несмотря на серьезные капиталовложения, кредиты и субсидии, многие коллективные хозяйства быстро распались из-за внутренних противоречий, вызванных частнособственническими интересами их членов. Поэтому в годы нэпа колхозы в Приазовье не получили широкого распространения. Большинство крестьян предпочитали вести хозяйство самостоятельно. Обеспечение земель иногороднего населения происходило за счет раздела бывших дворянских имений. Фактически только с середины 1920-х гг. в Приазовье начнется массовая волна земельного переустройства, вызванная принятием «Земельного кодекса» (1922 г.) и «Нормального устава земельного общества» (1926 г.).

Добившись устранения частного землевладения и передела помещичьей земли, крестьяне-собственники вступили в противоречие с господствующей идеологией всеобщего равенства и экономическими интересами советской власти, заинтересованной в контроле над крестьянством. Итогом этой борьбы стала сплошная коллективизация и массовое уничтожение индивидуальных крестьянских хозяйств. Коллективизация радикально изменила социально-экономическое устройство села. Вместо индивидуальных крестьянских хозяйств доминирующие позиции в сфере аграрного производства заняли колхозы, а колхозное крестьянство превратилось в основную социальную группу советской деревни.

Список литературы

1. Агафонов А. И. Область войска Донского и Приазовье в дореформенный период. Ростов-на-Дону, 1986. 192 с.
2. Дело Таганрогского окружного по крестьянским делам присутствия по прошению крестьян Веселовзенсенской волости Авксентия, Венедикта и Абрама Демяненковых и Трофима Настенко о подступлениях земель // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 723. Оп. 1.

3. **История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года.** Ростов-на-Дону, 2001. 464 с.
4. **Корчин М.** Революционные выступления донского казачества (1905-1919 гг.). Ростов-на-Дону, 1941. 36 с.
5. **Краснов Н. И.** Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 553 с.
6. **Крылов А.** Описание экономий Черкасского и Миусского округов, замечательных в том или другом отношении // Донские Областные Ведомости (ДОВ). 1875. № 25.
7. **Лунин Б. В.** Очерки истории Подонья-Приазовья. Ростов-на-Дону, 1951. Кн. 2. 378 с.
8. **Наш край** [Электронный ресурс]: документы по истории Донской области XVIII – начала XX века. Ростов-на-Дону, 1963. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000096/st016.shtml> (дата обращения: 26.06.2011).
9. **Номикосов С.** Что для землевладельцев выгоднее?: протокол общества сельского хозяйства Миусского округа // ДОВ. 1873. № 26.
10. **Расчетные листы земских податей** // ГАРО. Ф. 301. Оп. 8.
11. **Савельев Е. П.** Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьем. Новочеркасск, 1917.
12. **Сведения о количестве посеянного и собранного хлеба и о среднем урожае в ОВД в 1902-1911 гг.** // ГАРО. Ф. 353. Оп. 1.
13. **Футорянский Л. И.** Подворное обследование всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи на Дону в 1917 г. // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность. Ростов-на-Дону, 2008. С. 281-284.
14. **Хлыстов И. П.** Дон в эпоху капитализма. 60-е – середина 90-х годов XIX века. Ростов-на-Дону, 1962. 331 с.
15. **Шурупов И.** Наше сельское хозяйство в Миусском округе близ Азовского моря // ДОВ. 1874. № 96.

PEASANT HOUSEHOLD WITHIN AZOV REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Ivan Alekseevich Revin, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Pedagogy and Educational Technologies
South-Russian State Technical University
(Novocherkassk Polytechnic Institute)
ivarev@mail.ru

The author describes the evolution of peasant household within Azov region from the peasant reform of 1861 till the revolutionary events of 1917. Favorable geographical position, relatively weak feudal relations development and quick redemption operation contributed to commodity farming development. The specificity of Cossack landholding within Don Forces Region restrained land concentration process in great landowners' hands, so the major agricultural producers within Azov region were peasant communities.

Key words and phrases: peasantry; agriculture; agrarian question; commodity farming; Don Forces Region.

УДК 008(47)

Статья посвящена исследованию дефиниции понятия «инновации». В статье рассмотрены этапы возникновения понятия «инновации» в науке. Автор считает, что в настоящее время назрела необходимость актуализировать изучение инноваций в философии.

Ключевые слова и фразы: инновация; новообразование; традиция; культурные изменения.

Светлана Викторовна Реттих, к. пед. н., доцент
Кафедра социогуманитарных наук
Алтайская академия экономики и права
svetlanarettikh@rambler.ru

ДЕФИНИЦИЯ «ИННОВАЦИИ» В ФИЛОСОФИИ[©]

Активное изучение инноваций связано, с нашей точки зрения, с активизацией межкультурных контактов и процессами *европеизации* мировой культуры в XIX - начале XX в.

Обратимся к базовой дефиниции понятия *инновация*. Термин *инновация* зародился в недрах философского учения Аристотеля, а затем в классической латинской литературе. Однако он употреблялся в своем обычном житейском смысле: «распутывание мнений» (Аристотель); «раскрытие книги» (Цицерон). Лишь у Н. Кузанского (1401–1464) это понятие приобретает философское содержание: линия есть развертывание (*evolutio*) точки. Г. В. Лейбниц (1646–1716) перевел латинские термины на французский язык как *developpent* и *enveloppement*. Я. Бреме (1575–1624) пользуется словом *aus-wicklung*, а в немецкой философии появляется термин *entwicklung* в смысле внутреннего развертывания частей тела.

К. Ф. Вольф (1734–1794), основоположник учения об онтогенезе, был первым, кто употребил это слово в качестве философского термина для выражения процесса новообразования, преобразования старого в новое